

на. С начала 50-х годов отец расширил круг знакомых, но не счел нужным описать новых друзей и знакомых столь подробно, сколь близких и родных первых тридцати лет жизни — жизни между двумя мировыми войнами. И уж совсем он не коснулся как мемуарист того, что называется «личной жизнью».

В этой квартире, в сущности, и закончилась все то, что стало темой и сюжетом воспоминаний Н. Любимова. Писал он их уже в других квартирах, в другой трети жизни, которые сами по себе могли бы и заслуживают стать предметом других воспоминаний.

Н. Любимов известен читателям прежде всего как переводчик французской и испанской, отчасти немецкой и итальянской литературы, от Боккаччо до Пруста. А если говорить о его, авторской, хронологии — то от Мериме, пьесы которого он перевел незадолго до ареста в 1933 году. Таким образом, последний год его жизни — 1992-й — совпал не только с восьмидесятилетием Н. Любимова, но и с шестидесятилетием его «жизни в переводе».

И все же главным делом жизни маститый переводчик считал книгу своих воспоминаний — «Неувядаемый цвет». «Западник» по профессии (ни разу в жизни не пересекший границы отечества (!) — Союз писателей предпочитал посылать иных), — по душевному влечению Николай Михайлович жил судьбой России, Православной Церкви и русской литературы. Книга воспоминаний Н. Любимова — о России, любовь к которой он пронес через всю жизнь, несмотря на абсолютное, тотальное неприятие всего, что принес с собой новый строй, начиная с окаянных дней 17-го года. К «советской власти» он относился «по-бунински», с которым, кажется, согласен был во всем, кроме отношения к Достоевскому (Н. Любимов почитал его почти как «пятого евангелиста») и Толстому (неприятие Толстого-мыслителя подчас пересиливало любовь к Толстому-писателю), и театру, который он, в отличие от Бунина, любил. Рискну сказать, что одним из импульсов в работе над воспоми-

ниями у Н. Любимова было чтение мемуаров Бунина. Он как бы обрел тот жанр, в котором смогли проявиться в максимальной мере его писательский (и человеческий!) дар и его мироощущение: Россия — в прошлом; сегодня живо и достойно будущего то, что поддерживает связь с той Россией, дореволюционной; все это бесследно исчезает; сохранить исчезающее способны слово и память.

Над книгой воспоминаний Н. Любимов начал работать в 60-е годы, в свободное от переводов Доде и Мериме, Боккаччо и Пруста время. Он ее писал, в буквальном смысле слова ни разу не подойдя к пишущей машинке. Практически всю ее, а это более 1000 страниц, в разное время переделывавшуюся, дополнявшуюся и т. д., перепечатала его старшая дочь Елена Любимова, без самоотверженного труда которой книга просто не могла бы обрести существование. Книга писалась при наличии внутреннего плана, но не в хронологической последовательности, что читатель ее легко заметит, обратив внимание на даты написания отдельных глав. Очень редко поводом для выбора времени написания конкретной главы мог послужить внешний факт — вспоминается лишь один, когда в Доме ученых отмечалось 90-летие Т. А. Щепкиной-Куперник и Н. Любимова попросили выступить. Он начал готовиться к выступлению и в результате написал главу. Иногда это могло быть внутренним побуждением — так, толчком к написанию глав о духовенстве было хрущевское гонение на Церковь в начале 60-х годов.

Книга писалась и читалась — Николай Любимов любил и умел читать вслух — сначала членам семьи, потом друзьям. Читалась поэтам (Д. Самойлову и С. Липкину), театральным деятелям (В. Шверубовичу, В. Заманскому), математику В. Успенскому, литературоведам Н. Вильмонт, И. Медведевой, Н. Томашевскому, Вяч. Вс. Иванову, театроведам А. Бартошевичу и В. Силюнасу. Читалась пожилым людям и молодежи. Кажется, последней слушательницей Н. Любимова была М. Бреева, дочь близкого Н. Люби-